

Инга Долинина

Юра Апресян

Мне очень повезло быть довольно близко (учитывая, что я не была москвичкой) знакомой с Юрой Апресяном и на профессиональном уровне, и как просто с человеком. Первое существенно повлияло на мои лингвистические взгляды и интересы, второе оставило чувство непреходящего тепла в моем сердце.

Начало его теоретических взглядов и позиций было непосредственно связано с началом разработки лингвистами (а не математиками) лингвистических моделей языка, пригодных для машинного перевода. Это требовало четких параметров выделения языковых элементов, позволяющих формализацию их описания. Над созданием этой модели языка в теснейшем содружестве работали трое лингвистов – сам Юра Апресян, Игорь Мельчук и Алик Жолковский. «Московский триумvirат» – так шутливо-иронически, но и с большой долей изумленного почтения, окрестил эту группу молодых теоретиков увешанный регалиями и известный своими неортодоксальными взглядами на лингвистическую теорию профессор А.А. Холодович, кстати, последний из аспирантов академика Марра. Он был основателем (в 1961) Ленинградской типологической школы в Институте языкознания АН СССР. Я проработала в этой группе с 1965 до переезда в Канаду в 1991.

Члены «триумvirата» совместно создавали новое направление в лингвистике, которое постепенно оформилось в две основных и тесно связанных между собой части – Модель «Смысл- Текст» и Толково-комбинаторный словарь. Особое место в этом подходе отводилось семантике, и именно она (во всех ее аспектах) была центральной частью интересов Ю.Д. Апресяна на протяжении всей его жизни в лингвистике.

Семантика по Апресяну (как я это очень рано поняла) была, метафорически говоря, «душой» всех возможных материальных языковых форм и их функционирования. И поэтому абсолютно все языковые формы – лексические, синтаксические, морфологические во всех их сочетаниях и взаимодействиях имели определенное значение, смысл, некое прагматическое, эмотивное, психологическое и т.д. объяснение.

Такое видение роли семантики (но уже в приложении к другой области – построению методов и грамматик, отвечающих задачам типологии) в значительной степени повлияло на интерпретацию грамматических категорий глагола в типологической концепции самого Холодовича и членов его группы. Например, в том, как отделить одну категорию глагола от другой, если нет четкой морфолого-синтаксической маркировки, или, как определить количество субкатегориальных оппозиций внутри категории таким образом, чтобы схема анализа могла бы быть приложима к типологически разным языкам, особенно к тем, где маркировка категориальных и субкатегориальных сдвигов либо отсутствует вообще, либо одни и те же формы маркируют принципиально разные сдвиги.

Я лично впервые столкнулась с таким «семантизированным» видением мира где-то в середине 60-тых, когда Юра, тогда уже маститый ученый и непререкаемый авторитет, спросил меня, зеленого аспиранта, о теме моей кандидатской диссертации. Работа касалась нарушений свойства «проективности» (перевода синтаксической структуры в линейную) в естественных языках. И Юра спросил, какие семантические (в широком смысле) параметры могут объяснить наличие таких отклонений. Я помню свой внутренний ужас перед этим вопросом – я твердо знала, что не хочу даже пытаться лезть в такую шаткую область, как семантика, и что я хочу работать только с таким прозрачным, таким ясным и таким не требующем умственных спекуляций синтаксисом. Но идея была посеяна. В результате, во всей моей последующей академической жизни я занималась грамматической семантикой. И еще тем, где, на каких уровнях функционирования грамматических категорий в языке эту семантику искать.

Как человек, Юра обладал одним невероятным свойством – он был «стабилизатором пространства»: он вносил удивительные спокойствие, не сказать гармонию в хаос окружающей жизни. Это особенно сильно проявилось в период с конца 60-х и до начала 80х. Времена тогда были гнусные – людей выгоняли с работы (в том числе и его одним из первых), в лингвистике (и в Москве и особенно в Ленинграде) появилась жесткая цензура как на дозволяемые темы исследований, так и на методы, и даже на лексикон описания языка. Был “проклят” формализм, а попытки математизации описания языка рассматривалось, как проявление буржуазной псевдонауки, имена многих лингвистов, логиков и математиков были практически под запретом. И во всем этом хаосе и мракобесии Юра оставался спокойным собой, продолжал свою работу именно в этих как бы запрещенных областях, и упорно продолжал свои исследования, поддерживая своих коллег и друзей всеми доступными способами. Я хорошо помню свои приезды в Москву в то время и мои горькие жалобы на то, как сложно стало даже говорить о своей работе в терминах структурной и прикладной лингвистики, не говоря уже о математической. Он всегда очень внимательно выслушивал, и давал очень спокойную оценку того, что происходит, и как с этим жить, находя способы говорить то, что хочешь сказать. И при этом он не был примирительщиком, и не советовал складывать руки и подчиняться силе, а только обсуждал, как ей противостоять без открытого острого конфликта.

Он был по-особому добрым человеком – когда он видел проблемы людей, он спокойно, раздумчиво и очень ненавязчиво предлагал помощь, если таковая существовала. Мне привелось испытать это на себе, и я ему бесконечно благодарна.

Воспоминания о Юриной семье остались у меня среди наиболее светлых душевных ощущений. Он, Марина и их дочка Люша создали пространство такой всеобъемлющей любви, доброжелательности, понимания, радости жизни, и такой теплой и искренней гостеприимности, что само нахождение в их обществе, успокаивало сердце, радовало душу и отодвигало заботы.

Мои последние воспоминания о Юре связаны с празднованием приезда Игоря Мельчука в Москву в 1989 году, впервые после его отъезда. Юра устроил большой прием у себя дома с огромным количеством гостей и большую загородную поездку в духе их старинных вылазок на природу, с еще большим количеством участников. Оба этих события были большими праздниками и оба как бы предвещали новые положительные сдвиги и возможности, которые, как показало время, сбылись.

Через два года после этого я уехала в Канаду, и никогда больше не встречалась с ним, а узнавала о нем только опосредованно – публикации, рассказы о том, над какими проектами и с кем он работает, и т.д. Самый последний раз я видела его виртуально, на зуме, во время празднования 90-летнего юбилея Игоря Мельчука, где Юра рассказывал в своем выступлении в своей хирургически точной манере, полной однако юмора и живых деталей, о жизни, характере и великих достижениях юбиляра. Тогда Юра был на экране только с Люшей, но уже без Марины. Грусть в его глазах, несмотря на радость события, потрясла меня.

А теперь он ушел, оставив за собой огромное научное наследие, толпы учеников и последователей, память об интеллектуальной и гражданской смелости, и духовное пространство активной доброты и глубокой порядочности.

Инга Б. Долинина, Department of Linguistics and Languages, McMaster University, Hamilton, ON, Canada.

В прошлом: Ведущий научный сотрудник, Институт Языкознания (Ленинградское отделение) АН СССР. Сектор Теоретической Грамматики, Группа Типологии.